

Иван Иванович Панаев

Сегодня и завтра

Иван Иванович Панаев

Сегодня и завтра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660065

*Собрание сочинений Ив. Ив. Панаева. Томъ первый. Повѣсти и рассказы
1834-1840.: Издание В. М. Саблина; Москва; 1912*

Аннотация

«Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюль – не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человекъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ...»

Содержание

I.	4
II.	16
III.	26
IV.	54

Иван Иванович Панаев

Сегодня и завтра

Повѣсть

Oh! demain, c'est la grande chose!

De quoi demain sera-t-il fait?

L'homme aujourd'hui sème la cause,

Demain Dieu fait mûrir l'effet...

V. Hugo.

I.

Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюлѣ – не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человѣкъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ невнимательно разговаривалъ съ какимъ-то гвардейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на все его окружающее, на все мелькавшее передъ глазами его; съ большимъ самодовольствіемъ *охорашивался*, и, казалось, очень былъ доволенъ своимъ новымъ сюртукомъ, лорнетомъ и своею толстой палкой. Видно было, что онъ принадлежалъ еще къ той

свѣтлой порѣ жизни, когда не знаешь границъ между мечтой и существованностью, когда не умѣешь отдѣлить поэта отъ человѣка, художника отъ его созданія; когда каждому пожимаешь руку отъ сердца: когда смотришь на поэта, и не можешь на поэта насмотрѣться, и все ищешь на лицѣ его знака святости, небеснаго наитія... Счастливый возрастъ! Молодой человѣкъ старался скрыть свое самодовольствіе, но оно противъ воли вырывалось въ каждомъ его движеніи, выказывалось въ каждомъ взглядѣ. И могъ ли онъ скрыть его? Онъ еще не зналъ, что это равнодушіе ко всему, что этотъ непереносимый эгоизмъ, что это вѣчное бездушіе – разочарованіе свѣтскаго *fata*, которому онъ хотѣлъ подражать, пріобрѣтается нелегко и нескоро. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы пролежать нѣсколько часовъ въ театрѣ спиною къ сценѣ, съ лорнетомъ вставленнымъ въ глазъ, съ лицомъ, на которомъ крупными буквами, какъ на выставкѣ, начертано: *мнѣ все надоть*, о, да для этого сначала надо постигнуть тайну раззолоченныхъ залъ, потереться нѣсколько лѣтъ въ расцвѣченныхъ будуарахъ. Вы думаете, что можно изъ подражанія зѣвать въ то время, когда другіе плачутъ; говорить развалившись съ какой-нибудь блистательной княгиней о прелестяхъ любви, и въ ту же минуту смотрѣть въ потолокъ; не отвѣчать на вопросъ, который вамъ дѣлаютъ, или отвѣчать совсѣмъ не на то, о чемъ васъ спрашиваютъ – вы думаете, что все это можно изъ подражанія? Нѣтъ, вы ошибаетесь господа! Я слыхалъ, какъ мальчики въ 19 лѣтъ, впервые появившись въ гостиную,

хотѣли корчить разсѣянныхъ, невнимательныхъ, беспечныхъ. Боже мой! какъ, говорятъ, они были карикатурны, смѣшны! они, которые хотѣли слыть умниками, открыто прослыли дураками, — и можетъ быть отъ этого должны были, покраснѣвъ, покинуть гостиныя, гдѣ они мечтали произвести эффектъ и услышать рукоплесканія.

Но молодой человѣкъ, стоявшій у Елагина моста и разговаривавшій съ офицеромъ, вовсе не подозрѣвалъ, до чего можетъ довести это соблазнительное подражаніе. Впрочемъ, онъ не принадлежалъ къ этимъ 19-тилѣтнимъ юношамъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ его глазахъ было слишкомъ много души и воли, въ его движеніяхъ, несмотря на ихъ неловкость, слишкомъ много благородства.

Какой прелестный былъ этотъ вечеръ, тихій, жаркій, роскошный вечеръ! Сколько было гуляющихъ, развѣзжающихъ, сколько дамъ въ богатыхъ коляскахъ, которыя остановились у дворцовой караульни слушать музыку, и какъ эти дамы были плѣнительны и сколько около этихъ колясокъ разсыпалось и развѣвалось бѣлыхъ султановъ, и какъ играла музыка, и какъ это все пестрѣло передъ глазами, блестяло и очаровывало! Мудрено ли, что молодой человѣкъ былъ въ полномъ самозабвеніи, въ полномъ восторгѣ; что онъ не пропускалъ ни одного экипажа четвернею, за которымъ стоялъ огромный егеръ съ эполетами и съ султаномъ, или лакей, увѣшанный гербами, такой нарядный и гордый? Мудрено ли, что онъ немножко завидовалъ этимъ офицерамъ съ бѣлыми

султанами, которые такъ ловко, такъ безопасно, такъ небрежно, облокотившись на дверцы колясокъ, разговаривали съ этими прелестными, разноцвѣтными дамами? Мудрено ли, что онъ пропускалъ безъ вниманія людей очень замѣчательныхъ — *молодыхъ чиновниковъ* въ вицъ-мундирахъ или разноцвѣтныхъ сюртучкахъ съ бѣлыми подбоями, съ затянутыми въ рюмочку таліями, съ черными бархатными или плисовыми лампасами на панталонахъ, съ пестрыми сборчатыми глестуками, въ серединѣ которыхъ были искусно вдѣланы розетки и искусно воткнуты булавочки съ разноцвѣтными стеклышками, галстуки — чудо искусства, которыми надѣляли ихъ магазины Чуркина и Розинскаго? Эти чиновники, прогуливавшіеся пѣшечкомъ изъ города или доѣзжавшіе на извозчикахъ до Карповскаго моста, преважно расхаживали около музыки и искусно помахивали тоненькими тросточками подъ мраморъ, и, проходя напримѣръ мимо сскретаря посольства или какого-нибудь камеръ-юнкера преназначительно измѣряли его съ ногъ до головы своими взорами, и для того, чтобы показать, что и *мы* кое-что значимъ, бормотали по обыкновенію очень пріятнымъ голосомъ *тра-ля-ля тра-ля-ля*, или что-нибудь подобное. Мимо военныхъ они почти всегда проходили, потупивъ глаза въ землю, безъ всякихъ припѣвовъ, и, нагулявшись у музыки, отправлялись догуливать воскресенье на Крестовскій островъ... Мудрено ли, что эти люди, очень, кажется, замѣчательные, были пропущены молодымъ человѣкомъ безъ всякаго вниманія, хотя они ча-

сто проходили взадь и впередь мимо его, и каждый разъ оглядывали его, и каждый разъ, подходя къ нему, затягивали носомъ свои обычныя пѣсни?.. мудрено ли? Передь нимъ мелькали бѣлые султаны, и радужные цвѣта, и щегольскіе кабриолеты, и молодые камеръ юнкеры, и блестящіе аксельбанты...

Молодой человекъ былъ очень доволенъ гуляньемъ. Офицеръ, который стоялъ съ нимъ, едва успѣвалъ удовлетворять его любопытству, едва успѣвалъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его: «кто это такой? кто это такая? чей это экипажъ?»

На другой сторонѣ моста показалась прелестная шляпка, выказалась изъ-за толпы чудесная талія, — онъ схватилъ офицера за руку и хотѣлъ увлечь его на ту сторону, какъ вдругъ мостъ загудѣлъ, и надъ ухомъ его раздался визгливый голосъ фореитора.

Онъ отшатнулся... Промелькнула коляска, запряженная четвернею вороныхъ лошадей, съ двумя огромными лакеями; въ коляскѣ двѣ дамы и рядомъ съ коляскою на картинномъ конѣ офицеръ съ бѣлымъ султаномъ.

Съѣхавъ съ моста, кучеръ, немного пошатнувшись назадъ, мастерски сдержалъ лошадей... Коляска въ минуту остановилась. Офицеръ съ бѣлымъ султаномъ — это былъ кавалергардъ — съ неописанною ловкостью, съ удивительнымъ искусствомъ осадилъ своего коня, погладилъ его шею: благородный конь потряхнулъ головою; зыбкій, бѣлый султанъ прихот-

ливо разсыпался на шляпѣ кавалергарда; кавалергардѣ наклонился къ одкой изъ дамъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ, и заговорилъ съ ней.

Все это было мгновеніе. Молодой человѣкъ очутился у самой коляски, посмотрѣлъ на дамъ, сидѣвшихъ въ ней, потомъ на кавалергарда – и оборотился назадъ, вѣроятно для того, чтобы спросить у своего знакомаго: кто эти дамы? кто этотъ кавалергардѣ? Знакомаго не было возлѣ него, онѣ потерялъ его въ толпѣ. Десятый часъ! – какъ скоро прошло время!

Заря кончалась. Кавалергардскій караулъ стоялъ подѣ ружьемъ...

«На молитву!» – раздалась команда дежурнаго. Карабины дружно брякнули. «Каски долой!» Трубачѣ прочиталъ молитву. Экипажи двинулись къ мосту. Коляска, въ которой сидѣли двѣ эти дамы, потянулась также вслѣдъ за другими экипажами... Кавалергардѣ возлѣ коляски... Молодой человѣкъ безцѣльно за эту коляскою...

И вотъ коляска съѣхала съ моста; и вотъ помчалась; и вотъ взвилось облако пыли. Молодой человѣкъ остановился... Онѣ глядѣлъ вдаль... Коляски уже не было видно; лишь виднѣлся бѣлый султанѣ, нѣжно колеблемый вечернимъ вѣтеркомъ...

Бѣдный молодой человѣкъ!

Возвратясь съ Елагина острова, онъ бросился на широкій диванъ въ своемъ новомъ, изящномъ сюртукѣ и не побоялся смять его! Онъ отослалъ лакея не раздѣваясь, и лакей вѣрно былъ очень доволенъ этимъ, потому что, стоя передъ барининомъ со свѣчой въ рукѣ, съ всклокоченными волосами, съ полуоткрытыми глазами, онъ безпрестанно спотыкался физиономіей на свѣчку и преспокойно спалилъ себѣ правый високъ.

Баринъ не замѣчалъ этого: и до того ли ему было! Баринъ закрылъ глаза – и передъ нимъ нарисовалось личико, и какое личико! Оно было во сто разъ лучше всѣхъ фантазій Гравсдона – и куда же Гравсдону было создать этакое личико!.. Темно-голубые глаза, въ которыхъ сверкали и душа, и мысль, и чувство, и страсть; шелковыя темно-русые кудри, небрежно выпадавшія изъ-подъ прозрачной воздушной бѣлой шляпки; улыбка, придававшая несказанную прелесть прелестному личику, улыбка – обвороженіе, полуоткрытыя уста, полуоткрытый рядъ зубовъ, которые блистали, какъ перлы...

И это личико не было воздушнымъ идеаломъ, который всегда можно смахнуть однимъ мановеніемъ очей... О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Онъ видѣлъ это личико не въ мечтѣ, онъ

любовался имъ не въ грѣзѣ... Полно, правда ли? Гдѣ же онъ видѣлъ его?.. Елагинъ островъ... четверня вороныхъ коней... бѣлый султанъ... и вездѣ непременно этотъ бѣлый султанъ, зыбкій, рассыпчатый, красивый... Мысли молодого человѣка стали мѣшаться... и вотъ онъ въ залѣ, и зала вся блещетъ огнями, кавалергардская музыка... и вотъ онъ несется въ вихрѣ вальса, рука его обвилась около тонкаго, гибкаго стана... онъ танцуетъ съ ней! Музыка гремитъ – и онъ летитъ, летитъ подъ ея звучный ладъ... Передъ очами его темно-голубыя очи, очи его Мадонны; передъ нимъ это небесное личико; онъ такъ близко къ устамъ ея, онъ пьетъ ея дыханіе... и она такъ привѣтно на него смотреть...

Не знаю, долго ли онъ лежалъ на диванѣ и много ли грезились, но наутро онъ проснулся на своей постели; возлѣ изголовья стоялъ, по обыкновенію, маленькій столикъ, а на столикѣ колокольчикъ. Онъ позвонилъ; лакей поднялъ штору и остановился передъ постелью его съ бессмысленной улыбкой и съ опаленнымъ вискомъ.

Пять или шесть дней молодой человѣкъ влачилъ между мечтою и жизнью, между видѣніемъ и существованіемъ, между блаженствомъ и мукою, между темно-голубыми очами своей возлюбленной и опаленнымъ вискомъ своего лакея.

Такъ онъ былъ влюбленъ? Бѣдный молодой человѣкъ!.. Онъ только что начиналъ любить и еще не зналъ, *кого* любить; онъ безпечно предавался мечтѣ чародѣйкѣ, мечтѣ-отравительницѣ! Онъ точно былъ поэтъ: онъ только что

взглянуть на Божій міръ – и міръ показался ему свѣтлымъ, радужнымъ. Это былъ первый взглядъ на жизнь, взглядъ до-вѣрчивый, когда мы ко всѣмъ простираемъ горячія объятія – и довольные жизнью засыпаемъ беззаботно крѣпкимъ сномъ.

Правда, молодой человѣкъ зналъ, что обществу не можетъ имѣть и не имѣетъ равенства: что есть на свѣтѣ аристократія или высшее сословіе, потомъ среднее, потомъ поколѣніе чиновниковъ, и т. д.; но кто же не знаетъ этого? Правда, онъ таки-видалъ молодежь высшаго круга, онъ таки-былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этого круга, онъ замѣтилъ, что эти люди *отъ головы до пятокъ имѣютъ на себѣ особый отпечатокъ*; онъ уже успѣлъ заимствовать у этихъ людей многое: и небрежный видъ, и модный покрій платья... но познанія его объ обществѣ не простирались далѣе, а съ такими познаніями нельзя было уйти далеко.

Бѣдный молодой человѣкъ! Однажды (это было, какъ я сказалъ уже, черезъ пять или шесть дней послѣ вечера на Елагиномъ) онъ шель по Англійской набережнпй... Петербургскій климатъ ужасно какъ непостояненъ и измѣнчивъ, да я и не знаю, есть ли что въ Петербургѣ постоянное и неизмѣнчивое? Часовъ въ 11 утра, когда молодой человѣкъ вышелъ изъ дома, было солнце: онъ вышелъ въ одномъ сюртукѣ и не подумалъ, что можетъ вдругъ пойти дождь, а дождь вдругъ пошелъ сильный, проливной. Это было въ исходѣ второго часа. Онъ добѣжалъ до перваго подъѣзда и остановился

подъ навѣсомъ. Подъ этимъ навѣсомъ спасались отъ дождя какая-то дѣвушка съ платочкомъ, накинутымъ на голову, и съ картонкой въ рукѣ и сенатскій чиновникъ въ полиняломъ вицъ-мундирѣ съ воротникомъ, вмѣсто зеленаго, цвѣта осеннихъ листьевъ. Этотъ чиновникъ очень умильно поглядываль на дѣвушку, и потомъ улыбался съ самодовольствіемъ, и потомъ смотрѣль вверхъ на навѣсъ, и потомъ опять на дѣвушку. Молодой человѣкъ сталъ между ними.

Дождь не переставаль. Черезъ нѣсколько минутъ чиновникъ кашлянулъ, поправиль свой суконный жилетъ и обратился къ дѣвушкѣ: «Странно-съ! А дождь-то все идетъ-съ. Что съ нимъ будешь дѣлать?» – Потомъ онъ улыбнулся и посмотрѣль вверхъ. Дѣвушка молчала. Спустя еще нѣсколько минутъ, онъ снова оборотился къ дѣвушкѣ: «А что-съ? вѣдь васъ бы промочило, если бы вы теперь пошли?» Потомъ онъ снова улыбнулся и посмотрѣль вверхъ. Дѣвушка ничего не отвѣчала. Только при этомъ она, надувъ губы, отвернула голову въ сторону.

Въ эту минуту раздался издали громъ колесъ по мостовой, ближе, ближе – и вдругъ громъ смолкъ. Карета, запряженная четвернею вороныхъ коней, съ двумя лакеями сзади, подкатилась къ подъѣзду. Сенатскій чиновникъ прижался къ углу, дѣвушка посторонилась. Молодой человѣкъ взглянулъ на ливрею – и его сердце забилося, забилося... Дверцы кареты отворились – у него замеръ духъ... Изъ кареты мелькнула дама и исчезла, мелькнула другая и исчезла... Эта другая

была – она!

Онъ видѣлъ ея маленькую, стройную ножку, видѣлъ, какъ эта ножка коснулась тротуара и порхнула въ дверь, но она все-таки коснулась тротуара – и онъ, безумецъ, и онъ готовъ былъ поцѣловать это мѣсто, до котораго коснулась ножка... Вогъ какъ онъ любилъ ее! А она и не замѣтила его – и можно ли было ей замѣтить какую-то группу, смиренно пріютившуюся отъ дождя у подъѣзда? Это такъ обыкновенно. Передъ ней мелькнули какія-то три фигуры – только!

Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ уже давно зналъ ее: онъ встрѣчалъ ее то на гуляньяхъ, то во французскомъ спектаклѣ; онъ такъ завидовалъ этимъ гордымъ господамъ, которые одинъ за другимъ толпились въ той ложѣ, гдѣ сидѣла она; ея личико такъ сошлась съ его видѣніемъ, съ его мечтою, что онъ скоро началъ смѣшивать мечту съ существованностью, картину съ жизнью.

Одннъ изъ лакеевъ остался у подъѣзда...

– Черезъ полчаса подавай! – закричалъ онъ кучеру: – опять на дачу.

Молодой человѣкъ схватилъ лакея за руку. Лакей преважно посмотрѣлъ на него.

– Чья это карета? – спросилъ онъ его... И голосъ молодого человѣка дрожалъ.

Лакей снова съ пренебрежливостіемъ посмотрѣлъ на него.

– Князя В*, – отвѣчалъ онъ грубо.

– А кто эти дамы?

– Княжна, его дочь, и сестра князя.

– А кто этот кавалергардскій офицеръ, который въ воскресенье былъ съ ними на Елагиномъ острову?

Лакей, кромѣ пренебреженія, въ этотъ разъ посмотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ.

– Кто этотъ офицеръ? – повторилъ молодой человѣкъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ.

– Какой офицеръ-съ? Я не знаю-съ! У ея сіятельства женихъ въ кавалергардскомъ полку, – отвѣчалъ лакей, внезапно оторопѣвъ отъ такого голоса.

II.

*See, how she leans her cheek upon her hand;
O that I were a glowe upon that hand,
That, I might touch that chock!...*
«*Romeo and Juliet*» *Shakspeare.*

Какъ мила княжна Ольга! Вглядитесь въ эти страстные очи: въ этихъ очахъ вамъ выскажется душа ея; полюбуйтесь этими рѣсницами, этими длинными, темными волосами шелковыхъ кудрей, этими устами, на которыхъ бы умереть въ поцѣлуѣ, этою простодушною ловкостью, этою привѣтливою улыбкою. Посмотрите, какъ она легка, воздушна, какъ она создана быть княжной, блистать въ позолоченныхъ залахъ, вдохновлять любовью, очаровывать съ перваго взгляда! Ея очи – да это цѣлый міръ любви! не этой свѣтской, жалкой любви, о которой болтають въ гостиныхъ, нѣтъ – любви поэтической, о которой мечталъ пламенный Шиллеръ и которую называютъ люди безуміемъ.

Вамъ, можетъ быть, покажется это смѣшно? Шиллеровскій идеаль въ аристократическихъ гостиныхъ XIX вѣка, шиллеровскій идеаль въ Сихлеровой шляпкѣ! Но что ж мнѣ дѣлать, если княжна точно была такова? Пусть она будетъ для насъ анахронизмомъ въ наше время, странностью, чѣмъ хотите, – но я повторяю, она, въ самомъ дѣлѣ была такова. Чуждая напыщенности и той пошлой гордости, выража-

ющеюся такъ смѣшно, такъ некрасиво на *иныхъ* личикахъ, княжна была горда, не по огромности и узорчатости своего княжескаго герба, а по чувству собственнаго достоинства. Ея гордость не была безсмысленна, и потому она придавала ей плѣнительную величавость, благородство невыразимое, рѣзко отличавшее ее отъ другихъ, и которое, несмотря на это, можно было пріобрести только въ высшемъ кругу, гдѣ все наружное доведено до возможной степени изящнаго. Княжнѣ было 19 лѣтъ; она была высока и стройна, она была немножко кокеткой, но это кокетство такъ шло къ ней. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибся: то было не кокетство, а утонченность воспитанія, ослѣпительная, обворожающая, родная для нея стихія придворной жизни, которая ярче, чѣмъ на другихъ, отражалась на ней. Кокетство – слово слишкомъ простонародное. Кокетокъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вы встрѣтите въ другомъ кругу петербургскаго общества: этихъ женщинъ, которыя съ жалкимъ усиліемъ желаютъ нравиться, выставляютъ себя, *сентиментальничаютъ*, немножко ломаются, иногда дѣлаютъ нѣжные глазки и вообще производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какое производитъ варенье, когда вы его неумѣренно покушаете. Когда княжна задумывалась, она была еще милѣе, если только допустить, что она могла быть милѣе обыкновеннаго.

Раскинувшись на штофной кушеткѣ въ одной мзѣ своихъ комнатъ на каменноостровской дачѣ, она съ дѣтскою наивною смотрѣлась въ трюмо сквозь плюшевую рѣшетку и

съ дѣтскою прихотью оторвала листокъ плюща и играла съ листкомъ: вертѣла его въ своихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ ручкахъ, прикладывала его къ губамъ – и потомъ свернула его и бросила съ досадою на цвѣтистый коверъ. Но не листокъ занималъ княжну: ея сердце такъ билось, ея бархатная грудь такъ роскошно и такъ сильно дышала, сжатая корсетомъ... Отчего это такъ билось ея сердце, отчего такъ часто дышала грудь ея?

Она замечталась, моя княжна; она было вздумала сначала читать, но книга раскрытая осталась на той страницѣ, на которой она развернула ее. Мечта взяла верхъ надъ книгою. Она мечтала о томъ кавалергардскомъ офицерѣ, который въ воскресенье на Елагиномъ былъ возлѣ ея коляски. Странная прихоть! Княжнѣ вдругъ захотѣлось вырвать перышко изъ его чудеснаго султана и гладить это перышко... и поцѣловать его. Вотъ почему она сорвала листокъ плюща и вертѣла его въ рукахъ и подносила къ своимъ губкамъ. Можетъ статься, она воображала, что это перышко изъ султана, и потомъ, разочаровавшись, увѣряясь, что это просто листокъ, она бросила его на коверъ... Вдругъ княжна привстала съ кушетки, посмотрѣла на часы съ мраморнымъ изваяніемъ. Стрѣлка показывала половину четвертаго. Она немного сморщила лобъ, немного нахмурилась. *Онъ* сегодня у насъ обѣдаегъ. Отчего же такъ долго не ѣдетъ онъ? А княжна знала, что у нихъ садятся за столъ не ранѣе пяти часовъ.

«Зачѣмъ его нѣтъ здѣсь теперь?» Она сорвала опять ли-

стокъ — и въ минуту разщипала его и бросила. И потомъ, облокотясь на глазетовую подушку, на которой, будто живой, рисовался букетъ нарциссовъ, опять замечталась. Она была такъ счастлива: еще только двѣ недѣли, какъ она была невѣстою, и невѣстою человѣка, который давно былъ избранникомъ ея сердца, завѣтною тайною ея мыслей, человѣка, къ которому она привыкла съ самаго дѣтства, безъ котораго ей была бы скучна жизнь. И вотъ княжна замечталась о его добромъ, благородномъ сердцѣ, о его пылкой любви, о томъ, какъ онъ хорошъ въ красномъ бальномъ мундирѣ, о томъ, какой будетъ у нея экипажъ, какая ливрея, какъ они будутъ дѣлать визиты, *абонируютъ* ложу во французскомъ спектаклѣ: это будетъ ужъ ея собственная ложа; какъ они будутъ вмѣстѣ гулять... Боже мой! да о чемъ не мечтала княгиня? Мечта дѣвушки такъ легка, такъ плѣнительна, такъ свѣтла, разнообразна, неуловима! Эта мечта порхаетъ, какъ разноцвѣтная, радужная бабочка; вы подмѣтите ее и захотите поймать, а она улетѣла далеко; вы снова за нею, а она снова отъ васъ, словно птичка съ талисманомъ въ арабскихъ сказкахъ. И надобно быть ребенкомъ, чтобы захотѣть поймать бабочку, чтобы захотѣть уловить мечту дѣвушки.

Около 5 часовъ раздался звонъ колокольчика въ швейцарской... Ея сердце встрепенулось. Она вспорхнула съ кушетки — и въ одно мгновенье очутилась въ угольной комнатѣ, которая выходила окнами въ садъ. Эта комната была обклеена бѣлыми штофными бумажками и обведена позолоченой чер-

той подъ лѣпными карнизами. Яркая пунцовая мебель и занавѣсы придавали ей чрезвычайно пріятный свѣтъ, неммотря на то, что окна были нѣсколько затѣнены деревьями. Самые роскошные цвѣты, пирамидально уставленные по угламъ, красовались на бѣлыхъ обояхъ.

Княжна остановилась у раствореннаго окна и сбросила съ груди небольшой дымковый платочекъ: ей было жарко... Въ эту минуту легкое бряцанье шпоръ отозвалось въ ближней комнатѣ. Полуоткрытая грудь ея стала дышать сильнѣй и чаще... Въ комнату вошелъ кто-то. Она не обертывалась.

– О чемъ вы такъ задумались, княжна? – спросилъ ее молодой кавалергардскій штабъ-ротмистръ.

Она обернулась къ нему – и покраснѣлась, какъ роза, которая, полуразвернувшись, качалась на стебелькѣ и цѣловала грудь ея.

– Отчего это такъ поздно? – спросила она его съ укоромъ.

– Будто поздно? Я сейчасъ только изъ городу; я такъ торопился... – Онъ взялъ руку княжны и поцѣловалъ ее.

Она посмотрѣла на него такъ довѣрчиво, съ такою полною любовью... Вогъ въ эту минуту надобно было убѣдиться, какъ выразительны, какъ одушевленны ея очи. Какой міръ блаженства пророчила она любимцу своего сердца, ему – этому счастливцу кавалергарду!

И онъ понималъ языкъ очей ея, онъ предчувствовалъ, что ожидало его въ будущемъ. Онъ могъ отвѣчать чувствомъ на чувство. Онъ не былъ этимъ ледянымъ слѣпкомъ, отъ

котораго вѣтъ простудой и который навѣваетъ грусть. Въ немъ не было этой жалкой, мелочной суетности, которую вы встрѣчаете заурядъ въ молодежи и высшаго и низшаго круга. Впрочемъ, нельзя было сказать, чтобы онъ совсѣмъ не имѣлъ ея: вѣдь онъ былъ человѣкъ свѣтскій, *человѣкъ гостинныхъ*. Но графъ Болгарскій слишкомъ отличался отъ другихъ; онъ имѣлъ такъ много завлекательности, былъ такъ свѣтски, изящно образованъ и такъ далекъ отъ толпы вѣтреной молодежи! Онъ всегда чуждался толпы, вы никогда не встрѣтили бы его съ толпою, потому что онъ зналъ цѣну самому себѣ и видѣлъ ничтожество, окружавшее его. А это ужъ очень много! и какъ онъ былъ хорошъ собою и какъ статень! Свѣтлые волосы графа вились съ небрежною прихотливостью и красиво упали къ правой сторонѣ, немного закрывая широкій лобъ; его небольшіе каріе глаза были такъ страстны, онъ имѣлъ столько выразительности въ лицѣ; онъ такъ нравился женщинамъ. Но для него существовала только одна женщина, для него было одно только завѣтное имя, имя Ольги...

– Пойдемте къ батюшкѣ; онъ насъ ждетъ въ кабинетѣ, – сказала она графу. – Ужъ скоро 5 часовъ. – И Ольга схватила его руку, скользнула по паркету, увлекла его съ собою и исчезла...

У небольшого мраморнаго камина, въ комнатѣ, полной самага плѣнительнаго беспорядка, стоялъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Лицо его съ перваго взгляда чрезвычайно располагало въ его пользу. Очеркъ этого лица былъ необычно-

венно пріятень: большой, открытый лобъ, волосы, въ которыхъ ужь начинали прокрадываться сѣдины, всѣ поднятые вверхъ, смѣлый, пронизательный взоръ и особенное расположение губъ, – все это взятое вмѣстѣ придавало ему такъ много особеннаго, важнаго, что гдѣ бы вы его ни встрѣтили, вы сейчасъ бы остановились на немъ и подумали: *О, это не простой человекъ*. На немъ былъ сюртукъ темнаго цвѣта; шея обернута большимъ малиновымъ платкомъ. Онъ держалъ въ рукѣ огромный листъ какой-то Французской газеты и не очень внимательно пробѣгалъ его: видно, что газета не заключала въ себѣ ничего новаго, ничего замѣчательнаго. Это былъ князь В*, отецъ Ольги.

Тутъ дверь кабинета отворилась. Князь отбросилъ газету на столъ и обернулся къ двери. Передъ нимъ стояла Ольга, рядомъ съ нею женихъ ея.

Какъ они оба были хороши, какъ созданы другъ для друга! И князь съ такимъ свѣтлымъ лицомъ встрѣтилъ ихъ, въ его глазахъ выразилось такъ много радости: онъ былъ счастливъ ихъ счастіемъ.

– А, любезный графъ! – и онъ протянулъ къ нему руку, и тотъ отъ сердца пожалъ эту руку. Онъ отдавалъ ему, этому графу, свою радость, свой свѣтъ, свою жизнь... Онъ, казалось, говорилъ этимъ пожатіемъ: я люблю тебя, я увѣренъ въ тебѣ – и вотъ почему я отдаю тебѣ мое сокровище: смотри же, оправдай мое довѣріе и выборъ ея младенческаго сердца: сдѣлай ее счастливою.

– А мы васъ давно ждали, – продолжалъ князь – и съ улыбкою посмотрѣлъ на свою Ольгу.

И Ольга вспыхнула и потупила очи.

Отецъ подошелъ къ ней, провелъ рукой по тесьмамъ волосъ ея и поцѣловалъ ее.

У князя не было болѣе дѣтей: она была одна – и въ ней одной для него заключалось все. Она была его утѣшеніемъ, радостью, его мечтой, его надеждою, его воспоминаніемъ... Воспоминаніе!.. Каждый разъ, когда князь любовался ею, передъ нимъ оживалъ образъ ея матери; этотъ образъ, казалось, возникалъ изъ праха и, возсозданный, обновленный, въ роскошномъ цвѣтѣ являлся передъ нимъ.

Счастливица княжна! какое блаженство готовилось ей въ будущемъ! Счастливица!

А настоящее?

Какъ-то разъ вечеромъ они сидѣли вдвоемъ: она на диванѣ, графъ возлѣ нея на низенькомъ эластическомъ стулѣ. Въ комнатѣ разливался томный, пріятный для глазъ свѣтъ. Матовое стекло лампы, которая стояла на столѣ въ отдаленіи отъ дивана, было скрыто въ зелени и въ цвѣтахъ, и лучи свѣта прорывались сквозь зелень и цвѣты.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было такъ тихо, какъ будто никого не было – и эти минуты тишины были верхъ упоенія для двухъ любящихся.

– Ты мой, я давно назвала тебя моимъ; ты еще не знаешь, какъ я люблю тебя!

Вотъ что говорила молча княжна.

– О, я слишкомъ счастливъ! никогда самый роскошный сонъ, самый поэтической вымыселъ не сравнится съ моею существованностью. – Вотъ что говорилъ молча женихъ ея.

И онъ наклонился къ рукѣ ея – и поцѣловалъ ея руку, и какимъ страстнымъ, какимъ восторженнымъ поцѣлуемъ!

Она упала головой на грудь, будто подавленная страстью. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, и ихъ очи сошлись, и его очи утонули въ ея очахъ... Еще мгновеніе, менѣе чѣмъ мгновеніе – и уста его были такъ близко къ ея устамъ... еще... и они замерли въ поцѣлуѣ, улетѣли туда, въ этотъ чудный міръ, не для всѣхъ достигаемый, гдѣ все гармонія, все упоительные звуки, въ этотъ міръ, о которомъ такъ хорошо говорили Моцартъ и Шиллеръ.

Когда княжна отвела свои уста отъ его устъ – чары улетѣли: она очутилась опять въ той же комнатѣ, гдѣ была прежде, на диванѣ, и возлѣ нея на низенькомъ стулѣ онъ. Лицо ея пылало.

– Такъ *ты* очень любишь меня, Ольга? – спросилъ ее графъ – и рука его была въ ея рукѣ.

– Люблю ли я *васъ*? – и она сжала его руку.

Потомъ она почувствовала въ первый разъ неловкость этого *вы* и тихо повторила:

– Люблю ли я тебя?

Этотъ вечеръ они оба были такъ веселы, такъ самодовольны; на устахъ ея горѣлъ первый поцѣлуй его, для него такъ

отрадно звучало это *ты*, которое первый раз выговорила она.

Вот каково было ея настоящее!

III.

Всѣ чувства представились ему темнѣе, но мятежнѣе и ближе; они показались ему родомъ инстинкта, какимъ кажется инстинктъ животныхъ....

Изъ Ж. П. Рихтера.

Случалось ли вамъ встретить въ обществѣ человѣка, котораго лицо какъ будто знакомо вамъ; лицо, которое, можетъ быть, вы гдѣ-нибудь и когда-нибудь видѣли, но гдѣ и когда. вы никакъ не можете припомнить; лицо, которое, кажется, очень недурно, но производитъ на васъ невольно какое-то непріятное впечатлѣніе? Это случилось съ княжной Ольгой на музыкальномъ вечерѣ у С**.

Послѣ какой-то пьесы, пропѣтой дѣвицей Г*, въ ту минуту, когда въ гостиной слышался обычный шопоть мнимаго восторга и среди этого шопота вырывались порой нелѣпныя фразы, безсмысленныя восклицанія, въ ту минуту Ольга обернулась немного вбокъ – и, по какому-то странному чувству, вздрогнула. У косяка двери, которая вела на балконъ, стоялъ молодой человѣкъ, котораго она никогда прежде не видѣла въ гостиныхъ. Этотъ молодой человѣкъ все время не спускалъ съ нея глазъ, и когда она обернулась и нечаянно взглянула на него, онъ весь перемѣнился въ лицѣ и, какъ мальчикъ, котораго поймали въ какомъ-нибудь поступ-

къ, тотчасъ потупилъ глаза и сталъ неловко обдергиваться. Княжна полуулыбнулась, еще разъ пристальнѣй взглянула на него, и въ этотъ разъ она подмѣтила что-то странное въ глазахъ молодого человѣка, устремленныхъ на нее, прикованныхъ къ ней. Ей стало неприятно, ей не понравился этотъ взглядъ – и она отвернулась, чтобы не видать его.

Потомъ немного задумалась, потомъ вдругъ, вѣроятно изъ любопытства (это было очень естественно), указавъ глазами на молодого человѣка, она спросила у стоявшаго возлѣя стула камеръ-юнкера ***: – кто это такой?

Камеръ-юнкеръ оглядѣлъ молодого человѣка въ лорнетъ съ ногъ до головы, однако безъ малѣйшаго любопытства, очень равнодушно, очень свысока.

– Я вижу этого человѣка первый разъ въ жизни, – сказалъ онъ, еще разъ съ такою же важною посматрѣвъ на него... – Я не знаю, *что это такое*.

Во взорѣ камеръ-юнкера было ужасно какъ много недоступности. Казалось, онъ считалъ себя лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ, и глазъ наблюдательный могъ бы замѣтить, какъ изрѣдка, правда, украдкою, этотъ камеръ-юнкеръ поглядывалъ съ самодовольствіемъ на пуговицы своего виць-мундира. Видно было, что онъ только дней за десять передъ этимъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Молодой человѣкъ, привлекшій на себя вниманіе княжны и десятидневнаго камеръ-юнкера, былъ тотъ самый, который съ такимъ безумнымъ, юношескимъ восторгомъ созерцалъ

княжну на Елагиномъ и котораго потомъ судьба нечаянно завлекла къ подъѣзду дома князя В* на Англійской набережной.

Этотъ молодой человѣкъ впервые попалъ въ гостиную высшаго круга, о которой онъ только мечталъ до сихъ поръ. И какъ далека была его мечта отъ существенности! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ минуты, когда его представятъ въ домъ С*! И вотъ эта минута настала, имя его произнесено – и его встрѣтило безпривѣтливое, едва замѣтное наклоненіе головы. Онъ съ застѣнчивостью отошелъ въ сторону и задумался: «что же? можетъ быть всѣхъ такъ принимають въ этомъ кругу!» Онъ робко вошелъ въ гостиную; сердце его билось; онъ осмотрѣлся кругомъ: ни одного знакомаго лица. Ему что-то было неловко, онъ чувствовалъ самъ себя страннымъ – и отъ этого сдѣлался еще робче. Гостиная была полна блистательными дамами и роскошными цвѣтами, огромными зеркалами и бронзою, и эти дамы, и эти цвѣты, и эта бронза такъ плѣнительно отражались въ зеркалахъ! Около дамъ красиво блистали эполеты, красиво мелькали бѣлые султаны съ длинными, опущенными къ паркету перьями. О, ужъ мнѣ эти бѣлые султаны!..

Вдругъ возлѣ молодого человѣка очутилось знакомое ему лицо. Онъ такъ обрадовался. Это былъ юноша лѣтъ 23, ни пропускавшій ни одного вечера, ни одного бала, ни одного спектакля, «цвѣтушій юноша», который проводилъ половину дня въ каретѣ, половнну въ гостиныхъ, который слылъ за

большого умника, говорилъ о чемъ вамъ угодно, и всегда съ тономъ увѣренности: о Моцартѣ и Донъ-Карлосѣ, о Шатобрианѣ и Карлѣ X, о Пушкинѣ и Махмудѣ, — который не шутя причислялъ себя къ *Карлистамъ*, несмтра на то, что былъ безъ всякой примѣси русскій, — который рѣшалъ политическія дѣла Европы съ такою легкостью и дальновидностью, что самъ Меттернихъ позавидовалъ бы ему, — который... и проч. и проч., дѣло не въ томъ: и сказалъ, что молодой человѣкъ очень обрадовался, увидѣвъ его, и думальфинайти въ немъ для себя *точку опоры*; а ему, бѣдному, нужна была опора, ему, одинокому, робкому, смиренно прислонившемуся къ шелковымъ обоямъ...

И онъ съ простодушною улыбкою, съ радостью, которую не умѣлъ скрыть, схватилъ руку этого юноши, сжатую желтой лайковой перчаткой... Тотъ немного поворотилъ голову и очень серьезно, очень холодно прошепталъ: «А, это вы, мсьё Кремнинъ!» и очень осторожно высвободилъ свою руку, сжатую слишкомъ неаристократически; потомъ мелькнулъ, исчезъ, снова появился въ кругу дамъ, граціозно раскланялся, небрежно заговорилъ съ ними и въ это время невнимательно окидывалъ взоромъ гостиную.

Молодой человѣкъ опять остался одинъ. Онъ почувствовалъ тягость на сердцѣ...

Но вотъ въ дверяхъ гостиной показался пожилой человѣкъ съ важнымъ видомъ и со звѣздой на черномъ фракѣ; за нимъ дѣвушка вся въ бѣломъ — и возлѣ нея кавалергардъ.

– Какъ хороша княжна В*: -сказаль кто-то у самага уха Креницина.

У него замеръ духъ... Передь нимъ мелькнула княжна. Да, она; Боже мой! въ самомъ дѣлѣ какъ хороша!

Онъ первый разъ увидѣлъ ея станъ, ея очаровательную походку, величавость, окружавшую ее. Онъ внезапно почувствовалъ, какую преграду поставило общество между имъ и ею – и ему стало горько, горько... Она такъ недоступна, и ему, съ его боязливостью, съ его несвѣтскостью, ему, который впервые попалъ въ такую блестящую гостиную, стать рядомъ, осмѣлиться заговорить съ княжной? И о чемъ ему заговорить съ ней? Вѣдь между ними нѣтъ ничего общаго: онъ не знаетъ стихій этого круга, онъ случайно занесенъ въ этотъ кругъ... Онъ думаль, думаль – и все смотрѣлъ на княжну. Въ эту-то минуту княжна, нечаянно обернувшись, взглянула на него.

И онъ видѣлъ, какъ она спросила что-то у стоявшаго возлѣ нея камеръ-юнкера, видѣлъ, съ какимъ пренебреженіемъ этотъ господинъ измѣрялъ его... Онъ все видѣлъ...

Тяжело было на сердцѣ молодого человѣка, когда онъ возвратился домой съ этого музыкальнаго вечера. Ему мерещился то гордый, презрительный взоръ, брошенный на него десятидневнымъ камеръ-юнкеромъ, то равнодушный, невнимательный пріемъ хозяйки дома... Передь нимъ безпрестанно являлась она. О, для чего поѣхаль онъ на этотъ музыкальный вечеръ! Какъ мучительно страдало его само-

любіе, какъ ныло его сердце! И глаза молодого челоуѣка помутились слезою. Мучительная, жестокая боль выжала эту слезу, и слеза медленно скатилась по его щекѣ. Горячая слеза: это была слеза мужчины! И, право, одна эта слеза стоила моря дѣтскихъ и женскихъ слезъ.

«Но къ чему поведетъ эта любовь, любовь безъ взаимности, безъ участія? не смѣшна ли такая любовь? И дойдетъ ли до нея когда-нибудь страдальческій голосъ этой любви? И если дойдетъ, кто знаетъ: можетъ быть она, блистательная княжна, сдѣлаетъ гордую гримаску, разсмѣется на эту жалкую любовь, можетъ быть она будетъ рассказывать объ ней жениху своему – и тотъ встрѣтитъ меня или злой насмѣшкой, или равнодушнымъ презрѣніемъ?»

Въ эту минуту онъ не хотѣлъ болѣе возвращаться въ общество, которое только наканунѣ увидѣлъ впервые. Не быть въ этомъ обществѣ, бѣжать прочь отъ него? Да гдѣ же онъ увидитъ *ее*? Гдѣ будетъ любоваться ею? И онъ готовъ былъ снова хоть сейчасъ, съ сердцемъ, трепещущимъ отъ ожиданія, бѣжать въ аристократическую гостиную только для того, чтобы увидѣть *ее*!

Можетъ статья, порой ему приходило на мысль, что со временемъ онъ ознакомится, сдѣлается *короткимъ* въ этихъ гостиныхъ, что и онъ будетъ такъ же ловокъ и смѣль, какъ тысячи другихъ, что и его, какъ и тысячи другихъ, будутъ встрѣчать со внимательнымъ привѣтомъ. Очень можетъ статья, что иногда онъ воображалъ себя въ огромной кня-

жеской залѣ не *статистомъ*, а человѣкомъ съ ролью, человекомъ съ рѣчами... Сегодня спектакль на Каменноостровскомъ театрѣ? Она вѣрно будетъ тамъ. Какъ не ѣхать!

9-й часъ. Въ 1-мъ ярусѣ отпирается ложа за ложей: онх вздрагиваетъ при каждомъ стукѣ отпираемой двери. Мало-по-малу ложи наполняются – и вотъ оцвѣтился весь ярусъ.

Съ робостью молодой человѣкъ оглядываетъ ложи въ лорнетъ.

Она! – и его лорнетъ остановился на ней... Она оборотила головку къ молодому графу.

«Есть же на свѣтѣ избранники, любимыя дѣти, баловни судьбы, передъ которыми вѣчно цвѣтетъ жизнь, вѣчно красуется, которые тонуть въ удовольствіяхъ, которые задыхаются отъ полноты счастья!..» Такъ думалъ бѣдный молодой человѣкъ, смотря на жениха княжны.

Онъ думалъ, а между тѣмъ занавѣсъ опустился. Все зашумѣло вокругъ него. Эти беззаботные, легкіе и ловкіе свѣтскіе денди перелетали изъ ложи въ ложу, а онъ все смотрѣлъ на *нее* – и все думалъ о счастья *его*...

При разѣздѣ онъ остановился возлѣ нея. Она стояла завернувшись въ розовый салопъ; на головѣ ея былъ небрежно накинутъ бѣлый эшарпъ. Съ ней разговаривалъ какой-то толстый посланникъ со звѣздою. Молодой человѣкъ немного подвинулся впередъ: она увидала его, и, казалось, будто узнала.

«Карета князя В*!»

И она исчезла.

– Кто этот молодой человек, блѣлокурый, который стоялъ сейчасъ возлѣ меня? Я его видѣла на-дняхъ на вечерѣ у С*, – спросила она у графа, который сидѣлъ въ каретѣ противъ нея.

– Который это?

– Такой блѣдный, съ такими странными глазами.

– Для чего это тебѣ хочется знать? – спросилъ ее отецъ.

– Онъ всегда на меня производитъ какое-то странное, неприятное впечатлѣнiе...

– Какой вздоръ, моя милая! *quelle idée!* – И князь улыбнулся.

Часто послѣ этого княжна встрѣчала молодого человека, производившаго на нее странное впечатлѣнiе. Можетъ быть она поняла причину, почему она его такъ часто встрѣчаетъ, и почему взоръ его слѣдитъ ее повсюду, но все-таки онъ былъ для нея непонятымъ лицомъ. Какимъ ничтожнымъ казался онъ въ этихъ гостиныхъ! Отчего, вѣчно прислонившись къ стѣнѣ, вѣчно одинокій, вѣчно задумчивый, вѣчно связанный въ движенiяхъ, какъ будто онъ былъ не въ своемъ платьѣ?.. Могла ли княжна понять причину этого, она, рожденная княжной, она, еще въ пеленкахъ видѣвшая и блескъ, и бархатъ, и золото? Могла ли она вообразить, что можно оробѣть, потеряться въ этихъ огромныхъ залахъ съ позолоченными карнизами, которыя освѣщены такъ ослѣпитель-

но-ярко?

Между тѣмъ время брака княжны Ольги близилось. Ждали только прїѣзда княгини Л*, ея близкой родственницы, изъ чужихъ краевъ: она назначена была посаженой матерью Ольги.

Быль ноябрь въ исходѣ.

На одномъ вечерѣ, въ промежуткѣ контръ-дансовъ, княжна спдѣла у окна возлѣ мраморной статуи, которая была сзади уставлена зеленью; возлѣ нея прїятельница ея фройлина Р*. Онѣ очень серьезно о чемъ-то разговаривали. Въ рукѣ Ольги былъ вѣеръ, и она, разговаривая, играла этпмъ вѣеромъ.

– Княжна! – послышался возлѣ нея дрожащій, несмѣлый голосъ...

И вѣеръ княжны остановился въ рукѣ.

Она взянула. Передъ ней стоялъ молодой человекъ... Бѣдный! онъ весь измѣнился въ лицѣ; онъ лепеталъ что-то такое:

– Княжна... ангажировать... слѣдующій...

Она поняла, что онъ хочетъ ангажировать ее на слѣдующій контръ-дансъ. Онъ показался ей въ эту минуту достойнымъ участья.

– Хорошо-сь, – отвѣчала она ему привѣтливо.

Онъ поклонился и отошелъ... Какъ онъ чувствовалъ себя неловкимъ, смѣшнымъ, рѣшившись на такой подвигъ – и самъ дивился своей смѣлости. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ

немножко странень своей неразвязностью въ этой залѣ.

Когда онъ отошелъ, фрейлина быстро схватила Ольгу за руку, засмѣялась отъ души и проговорила протяжнымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

– Какой плачевный этотъ молодой человекъ! Откуда онъ? Несчастный, кажется, онъ влюбленъ въ тебя, Ольга.

– Полно, полно, Нина; онъ можетъ замѣтить твой смѣхъ... Ради Бога, перестань.

Музыка загремѣла. Пары разставлялись по залѣ. Кремнинь подошелъ къ княжнѣ съ потупленными глазами...

– Кто вашъ vis-à-vis? – спросила она его.

– Н**, – чуть слышно отвѣчалъ онъ и едва едва коснулся руки княжны.

Нѣсколько минутъ собирался онъ съ духомъ, чтобы заговорить съ нею; но мысли не шли къ нему въ голову, слова не сходили съ устъ. Какъ и съ чего начать? О, какъ билось его сердце... Станный человекъ! какъ онъ хотѣлъ въ эту минуту быть далѣе отъ своей княжны, далѣе отъ этой залы... Дыханье его занималось, ему надобно было вздохнуть свободнѣе.

– Нравится ли вамъ, нравится ли... – наконецъ началъ онъ, – вамъ, княжна, музыка Вебера?.. – Какъ вы находите музыку Вебера?.. – Онъ заикаясь произнесъ это и покраснѣлся.

– Музыка Вебера? – Княжна украдкой взглянула на молодого человека. Княжна внутренно улыбалась, но она не

позволила шалунъ-улыбкѣ вырваться наружу и оцвѣтить ея прелестныя уста, нѣтъ!

— Музыка Вебера! — И княжна, будто не замѣтя его замѣшательства, кстати на его вопросъ, изящнымъ, непринужденнымъ легкимъ языкомъ набросала ему нѣсколько своихъ замѣтокъ о музыкѣ.

Какъ онъ ловилъ ея каждое слово! Когда княжна смолкла, будто ожидая отъ него продолженія такъ отрывисто начатаго имъ разговора, онъ не умѣлъ воспользоваться минутой, чтобы развернуть свой вопросъ и придать ему какой-нибудь смыслъ, какую-нибудь форму. Онъ молчалъ.

Потомъ, минуты черезъ двѣ, онъ также несвязно и также безцѣльно проговорилъ:

— Говорять, на французскомъ театрѣ будетъ на-дняхъ новая дебютантка.

— Да, говорятъ...

Въ эту минуту музыка смолкла. Онъ поклонился княжнѣ. Княжна немного наклонила впередъ свою головку на поклонъ его.

Онъ отошелъ въ сторону.

«Боже мой!» думалъ онъ: «для чего я ангажировалъ ее? Я не умѣю сказать ни одного слова. Она вѣрно сочла меня за дурака... О, это нестерпимо, это мучительно! Для чего я ангажировалъ ее?»

Молодой человѣкъ давно уже былъ у себя въ комнатѣ, давно лежалъ на своей поегели, а этотъ вопросъ не сходилъ съ

языка его.

Тутъ ему пришелъ въ голову такой прекрасный, такой занимательный предметъ для разговора съ княжною, разговоръ, который обнаружилъ бы и его душу, и его умъ... Онъ разрывался... Какъ счастливы эти господа, сыздѣтства привыкшіе говорить съ княжнами! Кажется, шагъ былъ сдѣланъ: разъ вступивъ въ сіятельную гостиную, онъ могъ бы мало-помалу привыкнуть къ ней... И вы думаете, что это такъ легко? О, вы бы спросили объ этомъ у бѣднаго молодого человѣка!

Въ одной изъ нихъ – это было, кажется, на вечерѣ у графини Д*... да, точно, потому что его только и встрѣчали въ двухъ извѣстныхъ гостиныхъ – такъ однажды у этой графини спросили объ немъ. Графиня изволила посмотрѣть на него довольно пристально, чрезвычайно холодно, очень важно, что можно было сейчасъ замѣтить изъ легкаго движенія ея нижней губы. Удивительно, какъ эти графини умѣютъ иногда самымъ незначительнымъ движеніемъ лица такъ много придать себѣ важности! Она взглянула на него и сказала:

– А! это какой-то г. Кремнинъ. Мнѣ его представилъ г. Н*. Я, право, не знаю, *что онъ такое...* Онъ, кажется, никогда ничего не говоритъ и всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ. Вѣрите ли, что онъ былъ у меня раза четыре и еще не сказалъ со мной двухъ словъ! По всему видно, что онъ очень простъ.

Этотъ приговоръ графини былъ немножко рѣшителенъ, но нельзя было обвинить ее за этотъ приговоръ. Въ самомъ дѣлѣ, по закону свѣтскости, человѣкъ, который былъ въ до-

мѣ четыре раза и не болѣе двухъ словъ произнесъ предъ хозяйкою дома, – такой человекъ... какъ не почестъ такого человека если неумышленно-страннымъ, то *простымъ*?

Свѣтъ судить по своему – и онъ правъ. Бѣдный молодой человекъ! Онъ былъ *лишний* тамъ, гдѣ были:

..... цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица...

Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ показался въ высшемъ кругу и объ этомъ узнали, то *нѣкоторые* изъ его знакомыхъ, при встрѣчѣ съ нимъ, жали ему руку и гораздо крѣпче и чувствительнѣе прежняго, и улыбались ему съ гораздо большею пріятностью. Есть въ Петербургѣ такіе молодые люди, впрочемъ очень любезные, которые, не имѣя никакихъ средствъ попасть въ высшее общество, смотря съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ и съ небольшою, почти незамѣтною завистью на того, который посѣщаетъ эти общества. Однако, иногда между собою, въ своемъ кругу, дома, за трубкою вакштаба, въ кондитерской за чашкою шоколада, разговорясь о томъ, о семъ, они отпускаютъ насчетъ такого человека насмѣшки въ родѣ слѣдующей: «онъ, братецъ, лѣзетъ въ знать» и тому подобное.

Въ началѣ декабря въ гостиныхъ заговорили о пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ старушки-княгини Л* и о скоромъ бракѣ княжны В*.

Еще новость: княгиня даетъ огромный балъ; на этомъ балѣ будетъ весь блестящій Петербургъ, – и вотъ этотъ блестящій Петербургъ ждетъ бала, готовится къ балу и радуется случаю разсыпать деньги.

До слуха Кремнина дошла вѣсть объ этомъ балѣ и о скоромъ бракѣ княжны. Какъ бы ему попасть на этотъ балъ? А ему захотѣлось непременно быть тамъ, въ послѣдній разъ посмотрѣть на княжну, въ послѣдній! и навсегда распротиться съ аристократическими гостиными. Это было твердое его намѣреніе... Къ чему же вѣчно влачить жизнь безъ цѣли и надежды? О, жизнь безъ надежды! Понимаете ли вы, что это такое? Это день безъ свѣта, нѣтъ, это удушливый сонъ безъ пробужденія, это темница съ замками, для которыхъ нѣтъ ключей; цѣпь колодника – и ни шагу безъ этого рокового, тяжелаго звука, который гремитъ вамъ: нѣтъ отрады, нѣтъ надежды! Да, онъ рѣшилъ проститься съ княжною и съ гостиными, въ которыхъ только она одна для него блестяла.

Онъ поѣхалъ къ Н*. Дома.

– Пожалуйста выполни мою послѣднюю просьбу, – сказалъ онъ ему, не по обычаю только сжимая его руку. – Говорятъ, у княгини Л* на-дняхъ огромный балъ. Я хочу быть на этомъ балѣ.

Н* задумался.

– Ты вѣдь знакомъ съ княгинею?

– Да, и очень; но, право, милый, легче попасть въ Магометовъ рай, чѣмъ на этотъ балъ княгини. Сколько пригла-

шений!.. Однако... Но ты такъ вооружень противъ общества, ты такъ не любишь нашихъ гостиныхъ. Отчего же вдругъ такое желаніе?

– Я прошу тебя...

– А, понимаю, понимаю!

– О, ради Бога!..– И молодой человекъ снова схватилъ его руку.

– Я не даю тебѣ слова, но я сейчасъ же ѣду къ княгинѣ, и можетъ быть... Да, кстати, мнѣ еще нужно будетъ кой-куда заѣхать. Я пришлю тебѣ отвѣтъ.

Черезъ два дня Кремнинъ получилъ пригласительный билетъ отъ княгини.

Баль былъ назначень 10-го декабря.

Къ концу этого дня, часовъ въ 11, въ Милліонной не было проѣзда. Улица отъ начала до конца была загромождена экипажами, освѣщена каретными фонарями. Жандармы скакали, кричали, бранились съ кучерами и проклинали виновницу этого съѣзда.

Домъ княгини горѣлъ огнями. Широкая лѣстница, расходившаяся кверху на двѣ половины, была устлана яркаго цвѣта узорчатымъ ковромъ и вся уставлена померанцевыми деревьями. Съ обѣихъ сторонъ у входа на мраморныхъ пьедесталахъ стояли большія курильницы чрезвычайно красивой формы, вывезенныя изъ чужихъ краевъ. У самага входа пестрый, какъ полишинель, швейцаръ съ огромной булавою; далѣе цѣлый строй лакеевъ, увѣшанныхъ гербами, въ баш-

маках – таких ловких, таких серьезных. Чувство робости, это неприятное чувство, тяжело сжало молодого человека при входе. Он подумал: «в последний раз» и немного ободрился.

Княгиня Л* чрезвычайно любила Ольгу. Еще ребенком она всегда любовалась ею, всегда целовала ее, и когда Ольга начала подрастать, когда она день ото дня становилась пригоже, княгиня была от нея в совершенном восторге; княгиня безпрестанно кормила ее конфетами и безпрестанно, смотря на нее, повторяла: «*ma belle Olga...*» Говорили, будто бездѣтная, одинокая старушка заготовила духовную, в которой все состояніе свое, послѣ смерти, отдавала княжнѣ. Впрочем, то были одни только слухи. Старушка созвала в свои залы все высшее общество столицы для нея одной и заранее радовалась, заранее была увѣрена, что она будет царицею бала. Ольга была блистательна; в ней чудно соединялись два идеала красоты: этотъ языческій, соблазнительный идеалъ формъ и другой чистѣйшій, возвышеннѣйшій: выраженіе души и мысли. Гордо поэтическая, дѣвственно-непорочная мысль выказывалась в этихъ благородныхъ, нѣжныхъ чертахъ лица, душа такъ и сверкала в этихъ лазурныхъ очахъ. На ней было бѣлое атласное платье, не совсемъ длинное, оканчивавшееся ровной полосой воздушнаго газа, сквозь который виднѣлись прелестныя ножки; сверхъ этого платья другое какое-то прозрачное, легкое; брилліантовая пряжка стягивала поясъ, и широкая лента пояса упа-

дала къ ногамъ. Голова ея была причесана просто: все тѣ же длинныя, небрежныя локоны и у косы одинъ бѣлый цвѣтокъ пополамъ съ розой. На нее просто нельзя было налюбоваться.

Баль сверкаль, ослѣпляя, музыка чаровала слухъ, ароматическій дымъ чуть вился въ душевной атмосферѣ; все съ самозабвеніемъ прыгало и веселилось.

Графъ, стоя возлѣ своей невѣсты, замѣтилъ тамъ, въ сторонѣ, въ толпѣ, молодого человѣка. — «Кажется, это онъ!» Графъ едва замѣтно улыбнулся и потомъ оборотился къ своей Ольгѣ.

— Знаешь ли, кто здѣсь? — сказала онъ ей вполголоса.

— Кто? — простодушно спросила она.

— Я не скажу тебѣ, отгадай...

— Какъ же ты хочешь, чтобъ я отгадала? Ты знаешь, какъ я недогадлива, милый?

Графъ опять улыбнулся.

— Вотъ посмотри направо, тамъ, между барономъ Р* и Т*...

— Что же?

— Ахъ, онъ исчезъ!

— Кто?..

— Твой обожатель, Ольга. Этотъ... какъ-бишь, я всегда забываю его имя... Крениц... Гремнинъ... твой несчастный обожатель...

— А, перестань, Michel; онъ *такой жалкій*, этотъ молодой

человѣкъ!

– Я не понимаю, какъ онъ попалъ сюда. Кто его представилъ княгинѣ? Кажется, онъ немножко странень (графъ хотѣлъ сказать *глупъ*). Но ты должна знать это лучше. Вѣдь онъ танцоваль съ тобой у графини *?

– Да; но онъ сказалъ со мной только два слова...

– Неужели? Такъ онъ долженъ быть очень любезень?

Графъ засмѣялся.

– Онъ очень похожъ на какую-то неловкую и длинную птицу... Ты видѣла въ послѣднихъ листкахъ Musée de familles! Онъ скользитъ на паркетѣ, какъ гусь на льду.

Княжна улыбнулась.

Такъ невинно шутилъ графъ и такъ наивно внимала его шуткамъ *она*.

А молодой человѣкъ стоялъ сзади; онъ невольно слышалъ почти весь этотъ разговоръ. Онъ блѣднѣлъ и трясся; на глаза его налегъ туманъ. Наконецъ, при послѣднихъ словахъ, кровь задушила его... Онъ посмотрѣлъ съ ногъ до головы на графа – это былъ взглядъ, сверкнувшій вдругъ, нечаянно, какъ искра въ пеплѣ, который, казалось, совсѣмъ потухъ – посмотрѣлъ на графа, скрылся въ толпѣ, а потомъ его не было видно въ залахъ.

Черезъ часъ, можетъ быть и менѣе, онъ опять показался.

Между тѣмъ княжнѣ что-то сгрустнулось, она даже вздохнула... Неужели этотъ балъ утомлялъ ее?

Княжна вышла изъ залы и пошла въ другую комнату: та-

мъ легче дышать; дальше и дальше... Музыка тише и тише – и вотъ она очутилась въ угольной, небольшой, полукруглой комнатѣ. Въ этой комнатѣ никого не было. Она притворила дверь. Звуки музыки доходили сюда невнятнымъ гуломъ. Княжнѣ стало легко. Она опустилась на табуретку. Въ этой комнатѣ былъ темный свѣтъ, утѣшающій зрѣніе: одна лампа подь матовымъ стекломъ, и то только освѣщавшая картину, которая висѣла на стѣнѣ. Какъ хороша картина! И Ольга заглядѣлась на нее.

Картина эта была старинной, темной кисти, изображавшая божественную Мадонну съ предвѣчнымъ младенцемъ. Говорили, что это картина Фра-Бартоломео. Правда это или нѣтъ, но вы видѣли именно божественную Мадонну. Видно, горячо молился художникъ, прежде чѣмъ замыслилъ эту картину, и благодать свыше пріосѣнила его, и животворная кисть начертала неземной, божественный ликъ, и вѣрно художникъ, начертавъ его, палъ колѣнопреклобренный передь собственнымъ созданиемъ. Долго смотрѣла княжна на этотъ образъ – и душа ея теплилась молениемъ, и ей было такъ пріятно...

А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея люди, будто опьянѣлые, безумно кружились и бѣгали подь громъ музыки, и сладострастное забвеніе туманило ихъ блѣдныя, усталыя лица... А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея...

Но княжна вздрогнула, дверь отворилась. Передь нею стоялъ графъ. Онъ уже давно повсюду искалъ ее.

– Что съ тобой, моя Ольга? Для чего это ты здѣсь, одна?
Не дурно ли тебѣ?

И графъ взялъ ея руку.

– Княгня тоже беспокоится и ищетъ тебя.

– Въ залахъ такъ жарко, здѣсь такъ хорошо.

И она пожала его руку.

– Посмотри на этотъ образъ. Ты видѣлъ его, мой другъ?
Посмотри, вотъ какъ должно изображать Мадонну. Вѣдь это
нездѣшняя, неземная женщина; взглядишь хорошенько. Сядь
сюда. Я скажу тебѣ, что я здѣсь дѣлала: глядя на этотъ об-
разъ, я молилась за тебя...

– О!..

И, восторженный, онъ припалъ къ устамъ ея.

Она провела рукой по его кудрямъ, пристально посмотре-
ла на него и, послѣ нѣсколькихъ минутъ задумчивости, ска-
зала:

– Знаешь ли, Michel, мы теперь такъ счастливы... Да?
Вѣдь ты счастливъ?.. Я боюсь только, надолго ли... Правда
ли, говорятъ, будто бы здѣсь нѣтъ ничего постояннаго? Это
ужасно! Такъ, мы всѣ живемъ только настоящимъ, только *се-
годня*; а *завтра*... кто знаетъ, что будетъ *завтра*?..

– Что это значить? Къ чему такія черныя мысли?

– Это только боязнь, другъ мой, потерять мое теперешнее
счастье. Я бы не снесла этой потери. Только одна боязнь...
Впрочемъ, эта мысль часто со мной, и часто я гоню ее прочь
отъ себя.

У Ольги навернулись слезы.

– Полно, полно, Ольга.

И онъ снова цѣловаль ее – и ея уста такъ жались къ его устамъ.

– Ольга! Ольга! – послышался въ ближней комнатѣ голосъ старушки-княгини.

Въ эту самую минуту молодой человекъ уже расхаживаль въ большой залѣ, гдѣ танцовали, и, казалось, все искаль ко-го-то. Странно: въ его глазахъ вдругъ исчезла эта дѣвичья скромность, несмѣлость, которую другіе называли *просто-тою*; его взглядъ много говорилъ, но говорилъ что-то страшное. Этотъ взглядъ былъ страненъ на балѣ.

Послѣ разговора графа, который онъ невольно подслушаль, выбѣжавъ изъ залы, какъ помѣшанный, онъ бросилъ домой, взбѣжалъ къ себѣ на лѣстницу запыхавшись, и прямо къ своему письменному столу.

На этомъ столѣ лежалъ въ прекрасномъ небольшомъ сафьяновомъ футлярѣ кинжалъ, привезенный ему изъ чужихъ краевъ. Это былъ кинжалъ-игрушка, красиво и вычурно отдѣланный, кинжалъ для забавы, для виду, такъ, чтобъ лежать между изящными бездѣлками въ кабинетѣ какого-нибудь *фата*.

Внѣ себя, онъ схватилъ футляръ и выдернулъ изъ него кинжалъ. Небольшое лезвіе, мастерски отполированное, ярко блеснуло... Онъ помертвѣль; рука его, державшая кинжалъ, дрожала... Онъ вложилъ кинжалъ въ футляръ, а фу-

тляръ въ боковой карманъ. Какъ онъ не походилъ на самого себя! Страсть сорвала съ лица его обыкновенное спокойное выраженіе. Въ эти минуты онъ будто прожилъ нѣсколько лѣтъ: такъ онъ возмужалъ. Быстро выбѣжавъ вонъ изъ своей квартиры, бросился онъ въ свою ямскую карету, отворилъ оба окна, потому что ему было душно, потому что его тѣснили видѣнія страшныя, отъ которыхъ замираетъ сердце и становится дыбомъ волосъ... Душно!.. Но вотъ карета опять въ блестящаго подѣзда, и вотъ онъ опять въ бальной залѣ.

Когда первое волненіе начало въ немъ стихать, когда онъ въ состояніи былъ собрать мысли свои въ порядокъ, все это ему представилось какимъ-то чудовищнымъ сномъ, бредомъ горячки. Онъ схватился за боковой карманъ – но въ немъ въ самомъ дѣлѣ кинжалъ; онъ посмотрѣлъ кругомъ себя: о, это не сонъ! И молодой человѣкъ содрогнулся.

«Быть убійцей!» – подумалъ онъ:– «подлымъ, низкимъ убійцей изъ-за угла – и за что же? за нѣсколько обидныхъ замѣчаній на мой счетъ! Я безумецъ. Но передъ кѣмъ онъ меня выставялъ въ смѣшномъ видѣ, передъ кѣмъ?.. Все равно, я не въ состояніи быть уличнымъ убійцей». Онъ подошелъ къ двери, которая вела въ другую залу, и увидѣлъ графа. Кровь опять хлынула ему въ голову. – «Графъ, графъ! онъ дастъ мнѣ отчетъ въ своихъ словахъ!..» – О, какъ онъ былъ гордъ въ эту минуту, какія чувства выражались въ каждой чертѣ лица его! Онъ думалъ: – «разсчитываясь съ графомъ, я разсчитываюсь со всѣми этими господами, которые хотѣли по-

давить, уничтожить меня своею холодною» – и онъ былъ доволенъ собою...

Тусклѣе становилось въ залахъ. Залы рѣдѣли. Мазурка кончилась.

«Прощай, прощай, моя Ольга!» – шептала княгиня, цѣлуя ее. – «Что это ты вдругъ такъ поблѣднѣла?.. Я не могла налюбоваться тобой: ты была сегодня хороша, какъ ангелъ».

Графъ побѣжалъ сказать, чтобы подавали карету князя В*.

Въ дверяхъ какъ-то нечаянно онъ толкнулъ Кремнина, не замѣтивъ этого, не извинился, и исчезъ.

Карета стояла у подъѣзда.

Графъ у дверецъ кареты. Первая вошла сестра князя, за нею князь, потомъ княжна...

– *До завтра, Michel!* – сказала ему Ольга, входя въ карету.

– *До завтра, до завтра...*

Дверцы кареты захлопнулись. «Пошелъ!» Графъ приложилъ руку къ своей треугольной шляпѣ. Онъ видѣлъ въ окно кареты, какъ Ольга кивнула ему головкой.

– *До завтра, до завтра!*

Въ эту минуту сзади кто-то схватилъ его за шинель... Онъ оборотился: это былъ Кремнинъ.

– Что вамъ угодно? – вѣжливо спросилъ графъ.

– Мнѣ угодно поговорить съ вами; вы удостоите выслушать нѣсколько словъ. Отойдите отъ подъѣзда.

Графъ посмотрѣлъ на него.

Они отошли на нѣсколько шаговъ.

Графъ остановился.

– Еще немного подальше, графъ. Видите ли, здѣсь экипажи, здѣсь люди...

Они отошли еще дальше.

Графъ еще разъ посмотрѣлъ на него.

– Что вамъ угодно? – повторилъ онъ.

– Вы сейчасъ это узнаете.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ кругомъ себя.

– Кажется, здѣсь никого нѣтъ: мы глазъ на глазъ. Графъ! за оскорбленіе платятъ оскорбленіями, за насмѣшку насмѣшкой, за презрѣніе презрѣніемъ...

– Что это значить?

– Минуту тернѣнія, ваше сіятельство. Я слышалъ вашъ разговоръ обо мнѣ съ княжной, здѣсь, на этомъ балѣ... Я не подслушивалъ, я просто слышалъ: вы говорили такъ, что не одинъ я могъ слышать... Вы воображали, графъ, что можете смѣло во всеуслышаніе издѣваться надъ человѣкомъ простаго круга; что этотъ человѣкъ, котораго вы видали въ залѣ два или три въ углу, робкаго, молчаливаго, неловкаго, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ вашей насмѣшки... Вы ошиблись, графъ!.. Вы видите, что я умѣю говорить, что я, человѣкъ изъ толпы, не могу и не хочу снести оскорбленія... Вы понимаете меня? Но я увѣренъ, что въ васъ есть благородство – я говорю не объ одномъ благородствѣ, которое вы изволили пріобрѣсть вашей наслѣдствен-

ной короной...

Графъ стоялъ будто пораженный ударомъ грома. Онъ видѣлъ, до чего довела его неосторожность, до чего довели еге эти незначительныя, необдуманныя, пошлыя фразы, брошенныя на вѣтеръ. Слова молодого человѣка, эти слова, болѣзненно вырывавшіяся изъ груди, были тяжки для графа: они какъ свинецъ подавляли его. Да, онъ раскаявался въ своей опрометчивости. Позднее раскаяніе!

– Довольно, я понялъ васъ, – сказалъ ему графъ твердымъ голосомъ.

– Я не ошибся въ васъ, графъ! – Тутъ молодой человѣкъ, будто боясь, чтобы ихъ не подслушали, подвинулся на полшага ближе къ графу и сказалъ ему что-то шопотомъ.

– Вы согласны?

– Согласенъ.

– Завтра утромъ.

– Да.

Графъ хотѣлъ итти.

– Еще одно слово, графъ! Вы могли сегодня же заплатить жизнью за вашу остроумную насмѣшку надъ бѣднымъ, незначащимъ человѣкомъ. Да, ваша жизнь висѣла на волоскѣ... Я хотѣлъ зарѣзать васъ, графъ, какъ рѣжутъ разбойники, тайкомъ, изъ-за угла. Вотъ этотъ кинжалъ готовился для васъ. Но я не могу быть подлымъ убійцею. Итакъ завтра въ 11 часовъ, за М... заставой.

Карета за каретой тянулись къ подъѣзду. Разъѣздъ про-

должался.

Графъ пошелъ къ подъѣзду. Навстрѣчу къ нему бѣжалъ Ф*: онъ искалъ своей коляски. Графъ шопнулъ ему что-то на ухо. Тогъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на него.

– Ни слова!

И они пожали другъ другу руку.

Графъ возвратился домой и, не раздѣваясь, всю ночь просидѣлъ въ креслахъ. Руки его были судорожно сжаты. Онъ былъ холоденъ, какъ мраморъ.

Къ утру онъ всталъ съ кресель; лицо его осунулось и покрылось синегатою блѣдностью; онъ подошелъ къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его и призвалъ человѣка.

– Я сегодня утромъ ѣду. Если до вечера не возвращусь, ты отнесешь это письмо къ князю В*.

– Слушаю, ваше сіятельство.

Въ 10 часовъ утра къ нему пріѣхалъ Ф*; Ф* осмотрѣлъ ящикъ съ пистолетами и велѣлъ положить его въ карету. Въ 11-мъ часу карета выѣхала со двора. Садясь въ карету, графъ произнесъ вполголоса: *сегодня и завтра!*

Графъ не возвращался домой. Вечеромъ письмо его было отнесено къ князю В*.

– Огъ обѣщаль быть, онъ не ѣдетъ: что это значить?..

Къ вечеру князь занемогъ.

Жадному до новостей городу брошена была добыча.

«Дуэль, дуэль! Графъ Болгарскій, женихъ княжны В*, и какой-то молодой человѣкъ, тотъ, что видали тамъ-то и та-

мь-то... Боже, какое несчастье!»

Разсказчики и разсказчицы были въ восторгѣ.

Бѣдный Н*, представившій Кремнина къ княгинѣ, былъ въ отчаяніи. Онъ говорилъ педантически, приглаживая свои бакенбарды, что онъ совершенно *скомпрометированъ*.

На слѣдующій день князь почувствовалъ, что ему легче. Онъ перемогъ себя и всталъ съ постели.

– Ольга! я получилъ записку оаъ графа, – сказалъ онъ. – Графъ никуда не выѣзжаетъ: онъ нездоровъ. – Несчастнѣйшій отецъ глоталъ слезы и улыбался, смотря на дочь.

– Нездоровъ? – повторила она – и задумалась.

Прошелъ еще день, другой, третій – нѣтъ графа. У Ольги распухли глаза отъ слезъ. На четвертый день она уже не плакала; подошла къ отцу и спросила его твердымъ голосомъ:

– Что же, онъ все нездоровъ?

Отецъ вздрогнулъ.

Черезъ нѣсколько дней въ кабинетѣ князя собралось нѣсколько докторовъ. Князь пошелъ на половину дочери и за нимъ эти доктора. Князь вошелъ къ ней въ комнату. Доктора не входили. Княжна лежала на кушеткѣ. Лицо ея было закрыто руками. Отецъ подошелъ къ ней.

– Ольга!

Она встала съ кушетки.

– А, это вы, батюшка?

– Каково ты себя чувствуешь, другъ мой?

– Ничего, очень хорошо...

Минуты двѣ они оба молчали. Отець взялъ ее за руку.

– Другъ мой! – сказалъ онъ ей: – обѣщайся мнѣ быть благо-
горазумною...

Голось отца дрожалъ.

– У тебя еще остаюсь я...

Ольга посмотрѣла на него. Ея зрачки остановились, губы образовали какую-то гримасу, похожую на улыбку; она пошатнулась.

– Помогите, помогите! – закричалъ князь отчаяннымъ голосомъ.

Доктора вбѣжали въ комнату.

IV.

*Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты про шумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.*

А. Пушкинъ.

Хороша ты, Волга, царица рѣкъ русскихъ! Гульливы и веселы твои воды! Прихотница, красиво — то сжато, то раскидисто — бѣжишь ты, и порой страшно сердишься, и мутишься, и стонешь, и разливаешься! Твои дѣти, баловни-волны, затѣваютъ подчасъ чудныя потѣхи: онѣ выются, пѣнутся, перегоняютъ другъ друга, переливаются на ясномъ солнышкѣ, немилостиво играютъ съ бѣдными судами, прыгаютъ на эти суда, скачутъ, заливаютъ, топятъ безсильныхъ и еще, безжалостныя, радуются ихъ немощи и удалъству своему.

Узорчаты берега твои, красавица Волга! Высоко вздымаютъ они свои скалистыя вершины! Въ ихъ глубокихъ расщелинахъ, на ихъ широкихъ уступахъ растутъ вѣковыя деревья, склоняясь къ водамъ твоимъ, изгибаясь, падая, и между ними вьется кустарникъ, и кой-гдѣ торчатъ его безобразныя, высохшія иглы, и кой-гдѣ среди темной зелени голый утесъ высовываетъ свою желтую, песчаную голову.

И Сальваторъ Роза заглядѣлся бы на берега твои, разгульная Волга! Я помню: еще дитя, стоялъ я на берегу твоёмъ.

Сърыя тучи облегли небо, вереница дикихъ утокъ тянулась по поднебесью чернымъ поясомъ – и ты сумрачна была, Волга, какъ небо, и тяжело поднималась и опускалась твоя свинцовая грудь...

Когда судьба снова привела меня къ твоему берегу, ты была скована льдомъ: я не любовался твоею молодецкою удаляю, твоимъ широкимъ привольемъ. Равнодушно проѣхалъ я по твоей ледяной корѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ яркое зимнее солнце играло съ инеемъ, который обсыпалъ деревья и кустарники береговъ твоихъ, и сверкалъ и щеголялъ, какъ сверкаетъ и щеголяетъ бальное убранство отъ многоцѣнныхъ каменьевъ.

Когда же снова я увижу тебя, Волга? А въ эту минуту я бы хотѣлъ надышаться свободой, наглядѣться на безпредѣльность, налюбоваться привольемъ и, можетъ быть, раздуматься о прошедшемъ! Когда же снова я увижу эти великолѣпныя хоромы, гордо, красиво рисующіяся на берегу твоемъ, старинныя хоромы русскаго барина, и большую каменную церковь съ пестрыми главами и горящими крестами, замѣтную издавеча, и эту деревню, которая такъ картинно раскинулась около церкви по береговому скату?.. Когда? Когда?..

Въ этихъ хоромахъ, принадлежавшихъ князю В*, назадъ тому года четыре, кипѣла жизнь, вездѣ встрѣчались слѣды одушевленія. По широкимъ лѣстницамъ бѣгали взадъ и впередъ безтолковые лакеи, мелькали повара; и поваренки въ бѣлыхъ курткахъ и колпачкахъ набекрень; по тѣнистымъ

аллеямъ парка разѣзжали линейки и кабриолеты. Теперь вездѣ пусто – и въ домѣ, и въ саду, и въ паркѣ. Говорятъ, дорожки сада заросли травой, на мѣстѣ роскошныхъ цвѣтниковъ торчитъ безобразный репейникъ, кой-гдѣ проглядываютъ высохшіе сучья шиповника, и между ними печально красуется одинокій, опальный цвѣтокъ. Тихо въ забытомъ саду, тихо окрестъ опустѣвшаго дома; лишь порой слышится стонъ Волги, да ея одонообразные всплески, да глухой говоръ вѣковыхъ деревьевъ и страшное завыванье вѣтра, грознаго предвѣстника бури.

Такъ, кажется, 4 года тому назадъ (вѣрно только то, что это было въ іюль, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ объявлено было Ольгѣ о смерти ея жениха), князь В* сидѣлъ въ одной изъ комнатъ своего деревенскаго дворца, окна которой выходили на Волгу. Передъ волтеровскими креслами, на которыхъ сидѣлъ князь, былъ поставленъ столикъ, а на столикѣ стояла большая фарфоровая чашка съ чаемъ. Онъ былъ блѣденъ; лицо его очень измѣнили эти полгода; его волосы, съ прежнею тщательностью всчесанные кверху, почти совершенно посѣдѣли. Онъ машинально повертывалъ въ рукѣ чайную ложечку. Немного поодаль у стола, въ промежуткѣ двухъ оконъ, стоялъ человекъ лѣтъ сорока, въ черномъ фракѣ, очень серьезный, съ нависшими на глаза бровями, который съ важностью потиралъ рукою свой подбородокъ. Противъ креселъ князя, за богатымъ роялемъ, сидѣла княжна Ольга. На ея личикѣ вы совсѣмъ не нашли бы тяж-

кихъ слѣдовъ печали, нѣтъ, это личико было такъ же цвѣтисто, такъ же игриво и одушевленно, какъ и нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ тѣ дни, когда она сидѣла объ руку съ графомъ и говорила ему: «Безъ тебя мнѣ нѣтъ счастья, нѣтъ жизни!» На княжнѣ было бѣлое тюлевое платье, на груди букетъ живыхъ розъ; тесмы волосъ ея были стянуты золотой пластинкой фероньерки, съ крупнымъ брилліантомъ въ серединѣ. На бронзовой розеткѣ рояля висѣлъ вѣнокъ, искусно сплетенный изъ разныхъ цвѣтовъ, которые уже начинали вянуть. Ольга то брала какіе-то странные аккорды, то, опустивъ недвижныя руки на клавиши, была въ задумчивости. Догоравшее солнце слабо играло на полу и на стѣнахъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ княжна встала съ табуретки, посмотрѣла на ноты, которыя лежали на пюпитрѣ, перевернула листъ, потомъ взяла вѣнокъ и пристально посмотрѣла на него, потомъ отошла отъ рояля и улыбнулась.

Князь взглянулъ на человѣка въ черномъ фракѣ.

Тотъ сдѣлалъ гримасу, открылъ табакерку и сталъ съ важностью перебирать табакъ.

Ольга подошла къ отцу.

– Эти цвѣты вянуть! – печально сказала она.

Князь молчалъ.

– Вянуть! А вѣдь я нарвала ихъ только за два часа передъ этимъ. Посмотрите, посмотрите, какъ опустлись листики розы! Бѣдная роза!

И нѣсколько минутъ она стояла молча, печально, съ по-

никшей головкой.

– Вы меня любите, батюшка? Да, вы меня очень любите? Правда? – И она наклонилась къ отцу и поцѣловала его.

У старика навернулись слезы. Онъ тихо проговорилъ:

– Ты моя жизнь, Ольга!

– Ваша жизнь!.. А вотъ этотъ дикій жасминъ – онъ совсѣмъ завяль. Я его вырву изъ вѣнка... Завяль! завяль!

Она отошла къ окну.

– Знаете ли что? – произнесла она тихо и потомъ заплѣла вполголоса... – Я,

Какъ пчела, жужжа, мелькаю,
Въ пышной розѣ исчезаю,
Ароматъ цвѣточный пью
И, играя, догоняю
Серебристую струю....

– Какой чудесный вечеръ, батюшка! Взгляните, какъ играть солнце на поверхности воды. Посмотрите на небо! Ахъ, какіе чудесные цвѣта, какой блескъ, какое убранство! Вотъ яхонтъ, вогъ изумрудъ, вотъ золото, золото – И все покрыло золото.... Я не люблю золота!

И потомъ она тихо, на цыпочкахъ, подошла къ роялю, пробѣжала руками до клавишамъ и заплѣла:

Опостылѣль мнѣ свѣтъ —
Друга милаго нѣтъ!

Одинъ разъ посмотрѣть
На него, хоть во снѣ,
И потомъ умереть,
Умереть дайте мнѣ....
Гдѣ же онъ? Онъ убить,
Онъ въ могилѣ зарыть.
Милый мой, миръ съ тобой
Ты засыпанъ землей...

И вдругъ голосъ ея задрезжалъ, какъ порванная струна арфы, и нестройные звуки обратились въ рыданіе, раздиравшее сердце.

Отецъ закрылъ лицо руками...

Черезъ нѣсколько мпнуть княжна съ веселой улыбкой выбѣжала изъ комнаты. «Я пойду проститься съ милымъ другомъ, съ моимъ милымъ другомъ», — повторяла она.....

Уже солнце садится... Древецъ мое!

Оно ждетъ меня, оно скучаетъ безъ меня...

Князь остался вдвоемъ съ человѣкомъ въ черномъ фракѣ. Князь всталъ съ кресель, подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, докторъ! Что? нѣтъ никакой надежды?

Докторъ пожалъ плечами, стукнулъ по табакеркѣ, понюхалъ и пробормоталъ: «На... чужіе края, можетъ быть, пере-

мѣна, разнообразіе...»

– Да, въ августѣ мы ѣдемъ въ чужіе края. Такъ еще, можетъ быть, есть надежда? Послушайте, я васъ озолочу, докторъ...

Между тѣмъ княжна сбѣжала по лѣстницѣ въ нижнюю залу, изъ залы въ садъ и въ одно мгновеніе очутилась на широкой площадкѣ противъ оконъ своей спальни.

Въ срединѣ этой площадки, устланной зеленымъ бархатнымъ ковромъ дерна, гордо возвышался красивый, статный, раскидистый дубъ. Вы залюбовались бы его роскошными вѣтвями, дѣвственной свѣжестью его зелени, залюбовались бы его могучей растительной силой, вы, которые привыкли смотрѣть на жалкія деревья, кое-гдѣ безсмысленно торчашія между кирпичными громадами зданій, на эти бѣдныя деревья, опаленныя солнцемъ и одѣтыя въ пыль.

Княжна подбѣжала къ дубу, посмотрѣла на этотъ дубъ, покивала ему своей головкой – и въ эту минуту ея локоны такъ мило разсыпались но лицу, и она такъ мило откидывала ихъ отъ лица.

– До завтра, до завтра! – говорила княжна... – Мы завтра увидимся съ тобою, милый другъ. Я приду къ тебѣ имѣетъ съ солнцемъ... Теперь оно уходитъ, и я ухожу отъ тебя. До завтра, до завтра!

И дерево будто понимало слова княжны, будто сочувствовало этой странной привязанности къ нему: его листья, тихо колеблясь, казалось, шептали что-то нѣжное въ отвѣтъ на ея

привѣтствіе.

У одного изъ оконъ верхняго этажа стояли князь и докторъ. Они слѣдили за движеніями Ольги...

— Чѣмъ вы поясните эту чудную привязанность къ дереву? Не правда ли, что это очень странно, докторъ? Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы здѣсь — и любовь моей бѣдной Ольги къ этому дереву, кажется, становится съ каждымъ днемъ сильнѣе. Странно!

— Медицина не объясняетъ такихъ феноменовъ, ваше сіятельство... Въ человѣческой душѣ есть много неразгаданнаго. Вы читали Шекспира? О, это великій писатель! точно великій писатель, ваше сіятельство. Вы читали его и должны помнить слова Гамлета: *There are more things in heaven and earth, Horacio Than and dreamt of in your philosophy.* У насъ безпрестанно должно быть на языкѣ это мудрое изреченіе, и оно точно безпрестанно повторяется нами. Кто-то прекрасно сказалъ, что эти слова должны привѣтствовать философію. Я вамъ насажу много примѣровъ...

И докторъ говорилъ много и долго, но князь ничего не слыхалъ: онъ смотрѣлъ въ окно, онъ смотрѣлъ на дубъ, онъ думалъ о своей милой Ольгѣ.

— Докторъ! теперь мы пойдемъ къ ней, — онъ взялъ доктора за руку:— она давно прошла къ себѣ на половину... Мы посидимъ съ ней нѣсколько минутъ, не правда ли?

Князь не могъ быть безъ нея: онъ чувствовалъ, что въ жизни дочери была заключена и его жизнь, что его существо-

ваніе безраздѣльно связано съ ея существованіемъ. Несчаст- ный отецъ! онъ страдалъ, не видя ея; онъ страдалъ, глядя на нее.

Такъ тянулся день за днемъ.

Однажды княжна проснулась какъ-то веселѣе обыкновен- наго: ея глаза вдругъ приняли то плѣнительное выраженіе, которое одушевляло ихъ нѣкогда. Она встала съ постели, на- кинула на грудь шаль, завернулась въ нее и подошла къ сво- ему уборному столику, посмотрѣлась въ зеркало, откинула шаль, сняла съ головы маленькій чепчикъ – и темная коса ея роскошно, волнисто разсыпалась по бѣлой батистовой коф- точкѣ. Это была коса – заглядѣнье: длинная, до колѣнъ, мяг- кая какъ шелкъ, глянцовитая какъ атласъ.

Княжна, посмотрѣвъ въ зеркало, покачала головкой – и ея волосы съ обѣихъ сторонъ скатились на личико, и она на минуту вся исчезла въ волнахъ; потомъ отвела ихъ рукою, снова посмотрѣла въ зеркало и снова спряталась въ волоса- хъ, точно дитя, которое закрываетъ ручонками свое личико, улыбается и мило лепечетъ *тю-тю*.

Потомъ она позвонила. Вошла горничная.

– Маша, ты причешешь меня сегодня точно такъ же, какъ я была причесана въ тотъ день, какъ *его* убили.

Говоря это, княжна смѣялась. И черезъ полчаса она уже молча сидѣла въ креслахъ причесанная и одѣтая.

Когда отецъ пришелъ навѣстить ее, она граціозно при- встала съ кресель, взяла его за руку, крѣпко пожала ее и съ

участиемъ спросила:

– Каково ваше здоровье, батюшка? вы сегодня что-то невеселы.

– Напротивъ, другъ мой. А каково твое здоровье, Ольга?

– У меня на-дняхъ болѣла голова; теперь нѣтъ... Мнѣ кажется, вы скучаете *о немъ*, добрый батюшка, о моемъ милымъ другѣ. Что дѣлать. Надобно покориться волѣ Божіей. Можно ли возставать противъ нея? Это грѣшно, очень грѣшно... Посмотрите на меня: теперь я совершенно покорна высшей волѣ.

И она взяла руку отца и поцѣловала ее...

Въ глазахъ *его* блеснула радость – это былъ свѣтъ надежды, яркій свѣгъ, одинъ, который озарялъ ему темную тропу жизни; то вспыхивая, то потухая ежеминутно.

– Что же, мы поѣдемъ въ чужіе края, батюшка? И, какъ вы предполагаете, скоро?

– Да, мой другъ, недѣли черезъ двѣ мы должны отсюда выѣхать.

– Черезъ двѣ!...– Она задумалась.

Князь вышелъ изъ ея комнаты и послалъ за докторомъ. Онъ хотѣлъ, бѣдный отецъ, сообщить ему свою радость, что Ольга такъ хорошо сегодня его встрѣтила, такъ хорошо говорила съ нимъ...

А докторъ въ это время разѣзжалъ въ кабриолетѣ по аллеямъ парка. Докторъ чрезвычайно какъ любилъ ѣздить въ кабриолетѣ.

– Черезъ двѣ недѣли! – снова повторила княжна, оставшись наединѣ...

И взглянула въ окно: передъ ней красовался дубъ.

– Нѣтъ, я не разстанусь съ тобою. Я такъ люблю тебя, красавецъ мой, красавецъ мой! – повторяла княжна. – Кѣмъ же буду я любоваться безъ тебя? Я помню... да... зала... огни... Какъ ты хорошъ былъ на послѣднемъ балѣ!.. къ тебѣ лучше идетъ этотъ красный мундиръ... Въ какомъ мундирѣ положили его въ гробъ?.. Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой, деревцо мое! Какъ хороши, какъ красивы твои вѣтви: точно перья султана!.. Какъ ты гордъ, мой дубъ.. О, какъ ты чувствуешь свое величіе!.. и онъ былъ гордъ... Теперь нѣтъ его!.. – И княжна вскрикнула и безъ чувствъ упала на коверъ. Испуганная горничная вбѣжала въ комнату, схватилась за шнурокъ звонка, бросилась къ склянкѣ съ одеколономъ, сама не знала, что дѣлала... Княжна лежала блѣдна какъ трупъ.

Къ счастью въ эту минуту докторъ у подъѣзда дома выходилъ изъ кабриолета; къ счастью горничная выбѣжала въ коридоръ и закричала: «Докторъ! докторъ!» Докторъ явился. Ольгу привели въ чувство. Она была очень слаба; ее положили на постель. И отецъ, за минуту передъ этимъ озаренный слабымъ лучомъ надежды, мраченъ стоялъ теперь у постели больной... Докторъ держалъ ее за пульсъ.

Отецъ смотрѣлъ въ глаза доктора; онъ, кажется, хотѣлъ прочесть свою участь въ глазахъ его. Съ этого дня здоровье Ольги стало замѣтно разстраиваться: правда, она еще сидѣла

подъ своимъ любимымъ деревомъ, она еще улыбалась иногда отцу; но на этомъ лицѣ, безпечномъ и до сихъ поръ полнымъ жизни, начинало проявляться страданіе. Вотъ теперъ она точно походила на больную: болѣзнь стерла румянецъ съ ея личика, болѣзнь мало-по-малу проводила по немъ свои рѣзкія черты, болѣзнь потушила блескъ очей ея.

Прошло еще нѣсколько дней – и какъ эти дни измѣнили бѣдную княжну! Та ли это княжна-невѣста, которая, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, счастливая и восторженная, блистала въ петербургскихъ гостиныхъ, о которой кричали во всѣхъ обществахъ Петербурга? Такъ это-то земное счастье, котораго мы всѣ ищемъ? Княжна, княжна! Кто не думаль, смотря на нее прежде, что ея радость беззакатна, что ей суждено вѣчно покоиться на розахъ, или, по крайней мѣрѣ, что розы. долго, долго не сойдутъ съ ея личика?

Княжна лежала въ постели. Отъ постели не отходили докторъ и отецъ ея. Разъ какъ-то докторъ сказалъ шопотомъ князю:

– Нашъ отъѣздъ въ чужіе края, кажется, должно будетъ отложить...

Князь весь перемѣнился въ лицѣ.

– Почему же, докторъ?

– Она не вынесетъ долгаго пути...

– Гм!..

Князь опустился въ кресла: лицо его въ эту минуту было страшно напряжено, зубы сжаты, онъ былъ весь мука; но на

глазахъ его не показалось ни слезинки.

* * *

Грозно-величественна была Волга; ея волны почернѣли отъ гнѣва и, вздымалсь, пѣнились, махровились, будто причудливые завитки серебра на старинныхъ кубкахъ. Грозно было небо: вѣтеръ разорвалъ въ лоскутки густыя тучи и, тѣшась, гонялъ ихъ по лазури небесной – и онѣ то дружно сталкивались, то враждебно бѣжали другъ отъ друга. Вѣтеръ ломилъ столѣтніе дубы, и великаны изнывали въ страшной борьбѣ съ невидимой силой. Давно не помнятъ такой грозы старики приволжскіе.

Княжна лежала безъ чувствъ, блѣдная, съ закрытыми глазами. Отецъ ея не слыхалъ грозы, не видалъ бури. Голова его обезсиленная опустилась на грудь, сѣдые волосы торчали въ беспорядкѣ. Онъ не спалъ всю ночь; для него уже не было времени: утро, полдень, вечеръ, ночь – для него все слилось въ одно безпредѣльное, темное пространство.

Докторъ съ наморщеннымъ лбомъ стоялъ, облокотясь на спинку кровати. Вдругъ княжна открыла глаза. Отецъ вздрогнулъ. Докторъ придвинулся къ изголовью постели. Княжна привстала, оглядѣла кругомъ себя, поднесла руку ко лбу, потомъ поманила отца. Онъ наклонился къ ней. Она обняла его.

– Мнѣ легче теперь, – шептала она ему:– о, гораздо легче!

Я увижу его тамъ, далеко отсюда... Онъ со мной!.. Прощайте, прощайте, батюшка! Бѣдный батюшка, приходите ко мнѣ скорѣй, скорѣй... Мнѣ стало легче послѣ причастья. Мнѣ такъ свѣтло... О, поцѣлуйте меня, батюшка; не плачьте, благословите меня, благословите...

Уста ея шевелились, но уже безъ словъ... Въ эту минуту въ комнатѣ совершенно стемнѣло. Черная туча тяжело нависла надъ вершинами деревьевъ... Дико загудѣлъ вѣтеръ, и съ минуту длился гулъ и стонъ, и внезапно оглушительный трескъ раздался у самыхъ оконъ, страшный трескъ. Трепещущій докторъ взглянулъ въ окно... Красавецъ дубъ, любимецъ княжны, лежалъ на землѣ, сломанный бурей. «Докторъ!» послышался задыхающійся голосъ князя. Тотъ подбѣжалъ къ нему. Отецъ-страдалецъ стоялъ наклонившись къ постели, руки его оперлись на постель... Онъ былъ въ объятіяхъ трупа.

Докторъ взглянулъ на это, отеръ холодный потъ, который капалъ съ него, и невольно перекрестился.

* * *

Черезъ три дня послѣ этого солнце ярко сверкало, ярко горѣли кресты храма Божія. Кладбище, окрестъ его, обнесенное каменной оградой, было наполнено крестьянами и крестьянками князя, которые держали въ рукахъ зажженные свѣчи. Они молились и плакали. Священники стояли въ чер-

ныхъ ризахъ надъ открытой могилой; въ воздухѣ звучно и печально раздавалось торжественное: «*Со святыми упокой*» — и эти унылые звуки сливались съ переливнымъ, гармоническимъ, веселымъ пѣніемъ птички.

Розовый гробъ съ золочеными кистями опускали въ могилу.

Изъ груди князя вырвалось стенаніе...

Гробъ опустили.

Князь наклонился, взявъ горсть земли и бросилъ ее въ могилу; съ этою горстью земли онъ, казалось, бросалъ въ могилу дочери жизнь свою; потомъ онъ оборотился къ доктору и сказалъ ему:

— Вы меня положите здѣсь, возлѣ нея. Это моя послѣдняя воля.

Когда кладбище опустѣло, кто-то видѣлъ челоуѣка, закутаннаго въ плащъ, съ нахлобученною на глаза шляпой. Кто былъ этотъ челоуѣкъ и откуда пришелъ онъ — этого никто не зналъ, даже никто не видалъ лица его; но этотъ челоуѣкъ долго, долго молился на могилѣ. Послѣ того его уже не видали. Это рассказывали тихомолкомъ въ домѣ князя. Можетъ быть все это была выдумка.

* * *

До петербургскихъ блестящихъ гостиныхъ дошли слухи о смерти княгини Ольги. А, княгиня Ольга! О княжнѣ совѣ-

мъ было забыли, но смерть напомнила о ней. Дня два, а можетъ быть и три, разговоръ этотъ былъ въ ходу: всѣ толковали о ея помѣшательствѣ, о ея отцѣ, о дубѣ – и все это прикрашивали, увеличивали, и всему этому такъ дивились и всѣ такъ сожалѣли о княжнѣ и объ отцѣ ея... О, это сожалѣнье людей!.. На четвертый день въ Петербургъ пріѣхаль, кажется, турецкій посланникъ – и княжна навсегда была забыта, и всѣ заговорили о турецкомъ посланникѣ.